

УДК 821.111(73) + 821.161.3 У. Фолкнер,
К. Чорны

UDC 821.111(73) + 821.161.3 W. Faulkner,
K. Chorny

**«ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
БЕСЧЕЛОВЕЧНОСТИ»: ПРОКЛЯТИЕ
И ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ В РОМАНЕ
У. ФОЛКНЕРА «АВЕССАЛОМ,
АВЕССАЛОМ!» И ПОВЕСТИ
К. ЧОРНОГО «ЛЯВОН БУШМАР»**

**“HUMAN HISTORY OF INHUMANITY”:
CURSE AND POWER OF THE EARTH
IN THE NOVEL BY W. FAULKNER
«ABSALOM, ABSALOM» AND
STORY BY K. CHORNY
«LYAVON BUSHMAR»**

С. А. Розова,
*соискатель кафедры белорусской
и зарубежной литературы БГПУ*

S. Rozava,
*applicant at the Department of belorussian
and foreign literature, BSPU*

Поступила в редакцию 19.10.18.

Поступила в редакцию 19.10.18.

В статье исследуются индивидуально-авторские особенности философско-эстетической интерпретации идеи земли в романе У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!» и повести К. Чорного «Лявон Бушмар», определяются принципы психологического реализма прозы американского и белорусского писателей, анализируются художественно-поэтические черты идиостилей исследуемых авторов.

Ключевые слова: земля, философия человека, человек и время, национальная история, социально-психологическая проза.

The article explores the specific author's features of philosophical and aesthetic interpretation the idea of the land in the novel by U. Falkner "Absalom, Absalom!" and in the story of K. Chorny "Lyavon Bushmar". The principles of psychological realism of the prose of the American and Belarusian writers are defined. The artistic and poetic features of the idiostyles of these two authors are analyzed in the article.

Keywords: land, philosophy of human, human being and time, national history, socio-psychological prose.

Литературоведческая критика не единожды отмечала проблемно-тематическую, идейно-образную близость эпоса Кузьмы Чорного фолкнеровской прозы (А. Адамович, М. Стрельцов, Д. Бугаев [1–4]). Сходство художественного мировоззрения американского и белорусского прозаиков, объясняется, возможно, общностью избранного направления – рассуждение о философии человека и времени. Пытаясь постичь глубину человеческой души в ее сложном противоречии (а иногда и парадоксальности), мыслитель-гуманист У. Фолкнер и художник-реалист К. Чорный стремятся объяснить подознательные импульсы человеческих поступков, ищут иррациональные начала неостойчивой человеческой природы.

Одним из первых возможностей сопоставления творчества К. Чорного с художественной практикой У. Фолкнера отметил белорусский прозаик, критик и литературовед М. Стрельцов в литературно-критическом эссе «Широкость»: «Он по-своему космический, мир Чорного. Прообраз этого мира – родные его Тимковичи, про которые он говорил, что их ему хватит на множество

романов, сегодняшнего читателя исподволь наводят на мысль о знаменитой фолкнеровской Йокнапатофе – и не так важно, что Чорный свою “деревушку” (так назывался и один из фолкнеровских романов) как будто бы расселил, развернул в романном космосе, а Фолкнер, наоборот, сконцентрировал в ней свой “космос”...»¹ [3, с. 461].

Выдуманный округ Йокнапатофа (Yoknapatawpha), что в буквальном переводе с языка индейцев чикасо означает «тихо течет река по равнине», У. Фолкнер создал, чтобы в нем сохранить поэтическую пастораль старого земледельческого Юга, запечатлеть нетронутую красоту южной девственной земли. Несуществующая Йокнапатофа – призрак уничтоженного индейского племени, призрак умирающего Юга. Это воплощение былой южной идиллии, отразившее гуманистический фолкнеровский пафос: невозможна идиллия на земле, пропитанной кровью.

«Авессалом, Авессалом!» («Absalom, Absalom!») (1936) – один из первых романов

¹ Здесь и далее по тексту перевод автора статьи.

йокнапатофской саги, получивший в ранних черновиках (как и черновые наброски романа «Свет в августе») название «Темный дом» («Мрачный дом» (в разных переводах)). Сам У. Фолкнер обозначил тему своего произведения так: «человек, который совершил насилие над землей, и земля восстала против него, уничтожив весь его род»¹. Говоря о замысле романа, У. Фолкнер признавался, что «Авессалом, Авессалом!» начинался с Сатпена: «Я создал характер. Возникла мысль о человеке, который захотел, чтобы у него были сыновья; он «получил» сыновей, но они уничтожили его ... и как только возникла эта мысль, возникло и заглавие» [5, с. 290, 293].

Полковник Сатпен, плантатор, погрязший в семейных интригах, из ранних рассказов У. Фолкнера «Эванджелина» (1926) и «Уош» (1933), в романе «Авессалом, Авессалом!» является аллюзией на иудейского царя Давида, сын которого Авессалом, согласно ветхозаветной легенде, убивает своего брата за то, что тот обесчестил сестру Фамарь. Прощенный отцом, он поднял бунт против него, но был убит рабами Давида. Узнав о смерти сына, царь Давид плакал и твердил: «Сын мой, Авессалом! Сын мой! Сын мой, Авессалом! Кто даст мне смерть вместо тебя? Я вместо тебя. Сын мой, Авессалом! Сын мой! Сын мой, Авессалом!»².

Сохраняя канонический сюжет (только заменив физическое насилие помолвкой), У. Фолкнер наполняет его философским содержанием. Приехав сюда «с двадцатью неграми и парой пистолетов», Томас Сатпен создал Сатпенову Сотню, вспахав и засеяв хлопком «сто миль девственной земли, которую неизвестно как выманил у невежественных индейцев чикасо»: «Недвижимый, бородастый всадник сидел, вытянув вперед руку ладонью вверх, а за ним молча топтались черномазые и пленный архитектор, держа в руках топоры, кирки и лопаты – парадоксально бескровное оружие мирного завоевания... они внезапно заполнили сто квадратных миль безмятежной и потрясенной земли, яростно вырвали из беззвучного Ничто дом и регулярный сад, словно карты на стол, швырнули их под вытянутую вперед недвижимую державную руку – и тогда возникла Сатпенова Сотня» [6, с. 346].

¹ Из письма Харрисону Смиту (Оксфорд, февраль 1934 г.) [5, с. 408].

² Из комментариев к роману «Авессалом, Авессалом!» [6, с. 678].

Роман полнится драматизмом: Генри³ убивает Чарльза Бона⁴, чтобы предотвратить его женитьбу на Джудит⁵. У. Фолкнер отмечал: «Если бы Генри не убил Чарльза Бона, Сатпен сделал бы это сам» [5, с. 214]. Сатпен знает, Генри может допустить кровосмесительное чувство (короли же так женились), но, как и Сатпен, он не может допустить того, чтобы мужем Джудит стал тот, в ком есть «капля черной крови». Он рассказывает Генри тайну Чарльза, за которой поехал в Новый Орлеан, зная, что желание Генри избавиться от черной крови, убить ее, столь же сильное, как и его собственное. Но тайна Чарльза Бона не в том, что у него есть жена и сын, а в том, что в нем течет смешанная кровь. Знает Сатпен и то, что тайна Чарльза Бона – это его тайна, его ошибка, его прошлое, от которого он «сбежал, укрылся за респектабельностью и за этой сотней миль земли» [6, с. 353]. Йокнапатофа спрятал его тайну, но не дал здесь основать свой род, не простил ему тщеславия: «Сын был ему, конечно, нужен из тщеславия. Но тщеславие еще не все. Вы вынуждены любить то, что составляет предмет вашего тщеславия. То, чем вы можете гордиться. Он ведь мог и усыновить ребенка, но этого ему было недостаточно. Это должен был быть его сын, которым не только можно было бы гордиться, но и который будет представлять его кровь, его страсть» [5, с. 268].

Тщеславие Сатпена не только сын, которого он «получил», как привык получать все, что хочет (и сына, и дочь он «произвел на свет без ласки») [6, с. 347]. Тщеславие, рожденное услышанным в детстве «иди через черный ход», когда он собирался постучать в парадные двери богатого плантаторского дома, и в желании Сатпена доказать, что он бессмертен, основав патриархальную династию Сатпенов, свой род «на века», который потеснит старую спесивую аристократию Юга: «Он стремился всем отомстить так, как он себе это представлял ... он рушил все законы порядочности, чести, жалости и сострадания» [5, с. 264].

Сатпенова Сотня – его единственная сбывшаяся мечта, стомильная плантация,

³ Сын Сатпена от Эллен Колдфилд.

⁴ Сын Сатпена от Евлалии Бон, дочери сахарного плантатора из Вест-Индии, у которого Сатпен работал надсмотрщиком рабов (о том, что в ней течет смешанная кровь, Сатпен узнал уже после рождения сына).

⁵ Дочь Сатпена от Эллен Колдфилд.

созданная «изнурительным трудом рабов, обливающихся потом на хлопковых полях» [6, с. 431] – уничтожает Сатпена. Эта философская аллегория возмездия несет в себе глубокий внутренний смысл фолкнеровских образов-символов: Сатпен – человек, несущий зло, Земля – рука карающего Бога. Символично и то, что единственное продолжение Сатпена – внук Чарльза Бона Джим, в ком есть вся та же «капля черной крови».

Роман У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!» отразил социальные противоречия и расовые предрассудки Юга. Проклятием Юга У. Фолкнер считал рабство, а проклятием Сатпена – его убеждение, что «он слишком силен, чтобы быть частью человеческой семьи» [5, с. 303].

История библейского Авессалома в художественной интерпретации У. Фолкнера приобретает черты философского иносказания. Своенравный сын, восставший против отца, не только Генри, «отринувший свое право первородства и кров, под которым был рожден» [6, с. 405], но и сам Сатпен, посягнувший на величие Создателя: «Да Будет Сатпенова Сотня», как в незапамятные времена «Да Будет Свет» [6, с. 346]. Эти символические параллели, заключающие в себе художественно-философский смысл лейтмотива «Я вместо тебя», отражают идейное содержание романа.

Сохраняя библейский контекст, У. Фолкнер создает характер общечеловеческий. Трагедию человека, убежденного в том, что он слишком силен, чтобы стать частью человеческой семьи, К. Чорный переносит на события национальной истории. Герой повести К. Чорного «Лявон Бушмар» (1929) близок фолкнеровскому герою. Как и Сатпен, Бушмар «большой и сильный», «как дуб»; как и Сатпена, его боятся и ненавидят. «Звериная угрюмость» и нелюбовь к людям достались этому лесному отшельнику от отца, мелкого княжеского арендатора, который всю свою жизнь сторожил лес. Жизненная философия Бушмара «всякий сам и для себя только может сделать что и когда сам захочет» [7, с. 15] напоминает сатпеновский закон: «бери, что хочешь, если достанет силы» [6, с. 440]. «Дикий и бесчеловечный», Бушмар все же пытается «сохранить некую душевную платежеспособность» [6, с. 373, 381]. Он открывает сердце чувству, и это чувство сотворило чудо: в нем появляется «ласковая мягкость», когда Амиля говорит, что ждет ребенка. Но живет оно в Бушмаре

недолго. Вместе с осенью надвигается обрезка земли, которую затеял брат Амили Андрей, и «темное» подсознание Бушмара инстинктивно связывает Амилю с надвигающейся угрозой. С тревогой ждет он осени, и чем больше все напоминает о ее приближении, тем сильнее ненавидит Бушмар мать своего ребенка: «Он сам бы ужаснулся, если бы мог понять, что это же он действительно страшно ее возненавидел» но «думать он не привык» [7, с. 55].

Беременность Гелены приносит Бушмару покой, который он оберегает так же ревностно, как и свой хутор: он «был бы рад, если бы даже ... ни одно живое существо, которое может думать и говорить, не являлось никогда бы по эту сторону леса» [7, с. 66]. Но, вернувшись из острога, куда он угодил за то, что ударил районного начальника, Бушмар видит развороченную плугом землю, свое изрезанное на делянки, поле, и уже не ощущает прежней радости хозяйственных забот: «Он нехотя взялся за работу во дворе, чувствуя себя чужим всему и всем даже здесь. Он и не пробовал даже совладать с собою... Не родилось это вместе с ним на свет!» [7, с. 82]. И к Бушмару возвращается ненависть. Теперь он ненавидит Гелену за то, что та допустила обрезку, пока он был в остроге, и сознательно сомневается в своем отцовстве. Его бессознательное «звериное» начало снова берет верх, окончательно убивая в нем все человеческое: «Он делался все более жестоким, хотя временами находило на него какое-то просветление, однако ж это было только слабое проявление человеческого чувства, которое и у него где-то дремало» [7, с. 54].

Бушмар, пожалуй, первый в белорусской литературе тип «неколлективного человека» [7, с. 15, 16]. Воплотив в своем герое проявления крайнего индивидуализма, К. Чорный обличает разрушительную суть собственнических инстинктов: «Ты хочешь пройти, живя на свете просто, как хочешь, что на дороге – должно уступить тебе, а что уступить не успеет, попадет под твой сапог, а кого-нибудь ты и сам позовешь к себе на мгновение, ради какой-нибудь жажды своей или необходимости... а потом идешь дальше и ни на что не смотришь, ничего под ногами не замечаешь. Как будто бы все это только для тебя живет на свете...» [7, с. 80]. Эта авторская мораль К. Чорного близка фолкнеровской идее человеческой семьи: «родившись одновременно со множеством

других людей, ты связан с ними, и потому, пытаюсь двинуть рукой или ногой, ты как бы дергаешь за веревочки, но веревочки привязаны к рукам и ногам всех остальных...» [6, с. 445]. Коллективное хозяйство как художественная метафора человеческой семьи отразило идею обреченности обособленного существования человека в мире. Понимая общественную обусловленность человеческого характера, К. Чорный ищет психологические предпосылки и социально-исторические корни бушмаровщины.

История Бушмара – это трагедия человека, глубоко вросшего корнями в землю. Стараясь передать всю «человеческую торжественность и угнетенность» [7, с. 68] Бушмара, с симпатией и уважением рисует К. Чорный его хозяйственность и привязанность к земле.

Бушмар – фигура трагическая. Хутор – тяжелая наследственность Бушмара, а сам он – его «окончательный логический результат» [7, с. 99], заложник неукротенных природных инстинктов. Бушмар не убивает своего ребенка, хотя допускает, что способен на это: «раньше я со свету сведу вас всех!..» [7, с. 106]. Но, как и Сатпен, он проиграл свое «упрямое сражение с землей» [7, с. 53]. Как и Сатпена, земля отторгает его, не дав основать свой род: «И сыновья мои там у них, без отца, без меня...» [7, с. 106]. Бушмара убивает инстинктивная ненависть ко всему, что несет в себе угрозу его последней цитадели.

Сочувствует своему герою и У. Фолкнер: «На мой взгляд, его надо жалеть. Он не извращенный человек. Он аморален. Он жесток. Он абсолютно эгоцентричен. На мой взгляд, его надо жалеть, как надо жалеть

каждого, кто игнорирует человека, кто не верит, что принадлежит к семье человеческой. Сатпен не верит. Собирается получить то, что ему хочется, потому что он достаточно сильный, а я полагаю, что такие люди рано или поздно гибнут. Ибо человек должен принадлежать к семье человеческой, должен нести свою часть ответственности за нее» [5, с. 189].

«Чистоту крови», один из основных мотивов американской литературы, У. Фолкнер возводит до «чистоты человеческой расы», а «род семейный» до «рода человеческого». «Чистоту крови», по У. Фолкнеру, определяет не «одна восьмая или одна шестнадцатая черной крови», а нравственность и человечность, которую теряет человек, теряя связь с землей. Земля – величественный матриарх, вечное первоначало жизни, на земле основывается род человеческий, на земле совершается вечное таинство человеческого существования. Земля не прощает насилия и отторгает тех, кто сеет зло, обрекая на вырождение.

Таким образом, роман У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!» и повесть К. Чорного «Лявон Бушмар» – художественно-философское преломление архетипа земли. Несмотря на несхожесть художественных средств выражения идеи земли, произведения близки идейно-образными мотивами и социально-психологической линией. Связь художественного мировоззрения американского и белорусского прозаиков с историей своей земли, породившая чувство причастности к великим историческим событиям, позволяет прочитать их творческое наследие в контексте общечеловеческих ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамовіч, А. Здалёк і зблізку / А. Адамовіч. – Мінск : Маст. літ., 1976. – 623 с.
2. Адамовіч, А. Масштабнасць прозы / А. Адамовіч. – Мінск : Маст. літ., 1972. – 198 с.
3. Стральцоў, М. Выбранае: проза, паэзія, эсэ / М. Стральцоў; прадм. А. Адамовіча. – Мінск : Маст. літ., 1987. – 607 с.
4. Бугаёў, Дз. Дасягнутае і страчанае / Дз. Бугаёў // Польша. – 1993. – № 4. – С. 226–251.
5. Фолкнер, У. Стат'і, рэчы, інтэрв'ю, пісьма / У. Фолкнер. – М. : Радуга, 1985. – 488 с. – (Серія «XX век. Писатель и время»).
6. Фолкнер, У. Сабранне сочыненьняў : в 6 т. / У. Фолкнер. – М. : Худож. літ., 1985. – Т. 2. – 686 с.
7. Чорны, К. Лявон Бушмар : апавесць / К. Чорны. – Мінск : Маст. літ., 2007. – 197 с.

REFERENCES

1. Adamovich, A. Zdalok i zblizku / A. Adamovich. – Minsk : Mast. lit., 1976. – 623 s.
2. Adamovich, A. Mashtabnasts prozy / A. Adamovich. – Minsk : Mast. lit., 1972. – 198 s.
3. Straltsou, M. Vybranaye: proza, paeziya, ese / M. Straltsou ; pradm. A. Adamovicha. – Minsk : Mast. lit., 1987. – 607 s.
4. Bugayou, Dz. Dasyagnutaye i strachanaye / Dz. Bugayou // Polymya. – 1993. – № 4. – S. 226–251.
5. Folkner, U. Statyi, rechi, intervyyu, pisma / U. Folkner. – M. : Raduga, 1985. – 488 s. – (Seriya «XX vek. Pisatel i vremya»).
6. Folkner, U. Sobraniye sochineniy : v 6 t. / U. Folkner. – M. : Khudozh. Lit., 1985. – T. 2. – 686 s.
7. Chorny, K. Lyavon Bushmar : apovests / K. Chorny. – Minsk : Mast. lit., 2007. – 197 s.